

РУССКИЕ ДЕЯТЕЛИ ОБ АРМЕНИИ
И АРМЯНСКОМ НАРОДЕПОРУЧИК КОЛМАКОВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АНДРАНИКА В 1918 г.

Поручик Колмаков—непосредственный участник всех тех боев, которые вел Первый армянский ударный полк под командованием легендарного Андраника (1865—1927) весной и летом 1918 г. против турецких оккупантов и поддерживавших их мусаватистских банд. Описываемые Колмаковым события и сообщаемый им фактический материал отличаются достоверностью, стремлением автора к их объективной передаче; в этом нетрудно убедиться, сравнив их с существующей литературой, посвященной истории армянского народа этих времен, а также с мемуарами других очевидцев.

В 1919 г. в бакинской газете «Наше время» Колмаков под непосредственными впечатлениями опубликовал серию статей под общим заглавием «Историческая армянская рота»¹. Статья Колмакова начинается с описания истории армянской роты в Сибири, вместе с которой он добровольно, как русский патриот, любящий армянский народ, ценящий его преданность России и стремящийся помочь его освободительной борьбе, прибыл в Тифлис и вошел в состав указанного полка².

Дело в том, что после «Декрета о Турецкой Армении» правительство Советской России развернуло широкую деятельность по организации на территории России армянских добровольных отрядов и отправке их на Кавказ с целью борьбы против турецких оккупантов. Советская Россия помогла этим отрядам и материально, и морально; добровольцы получили талоны на беспрепятственный проезд, для них организовывались специальные эшелоны³. Армянская рота из Иркутска ехала в Тифлис именно в силу указанного распоряжения Совнаркома России. Как констатирует Колмаков, в Ростове-на-Дону их рота соединилась «с эшелонами добровольцев армян, едущих из Киева, Харькова, Москвы» (с. 65).

Колмаков выступает не только как очевидец событий, объективно раскрывающий их суть; он является также комментатором этих событий и в таком качестве дает в основном правильную характеристику военно-политическим явлениям, партиям, правительственным органам и др.

Рассказывая об армянах, которые добровольно с турецкого фронта перешли на сторону России, он тут же выражает свое негодование по поводу того, что царское правительство вместо того, чтобы оценить их поступок, держало их на положении военнопленных и сослало в Сибирь. «Это была рота из 210 военнопленных армян,— пишет он,— добровольно сдавшихся нам в боях с турками и нашим правительством (царским правительством—В. М., Ан. З.) зачем-то эвакуированных в Сибирь, слезно в благодарность за их симпатии к России. Это были люди, проведшие у нас четыре года тяжкого плена, голода, холода» (с. 64).

¹ См.: «Наше время», 12. II. 1919 (№ 34); 19. II. 1919 (№ 39); 23. II. 1919 (№ 43); 27. II. 1919 (№ 46); 23. III. 1919 (№ 52); 29. III. 1919 (№ 57); 10. IV. 1919 (№ 66); 11. IV. 1919 (№ 67); 25. IV. 1919 (№ 75).

² Отметим, что из Иркутска с армянской ротой прибыл также писатель Петр Сибирцев, который в составе этого же полка участвовал в боевых операциях под командованием Андраника. О П. Сибирцеве см.: А н у ш а в а н З а к а р я н, Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914—1920), Ереван, 1984, с. 198—201 (на арм. языке).

³ Л. А. Хуршудян, Советская Россия и армянский вопрос, Ереван, 1977, с. 96—97 (на арм. яз.).

В историческом очерке Колмакова нашли отражение политическая ситуация в Закавказье в начале 1918 г., тяжелое положение армянского народа в Александропольском уезде, Зангезуре, Нахичеване и Карабахе весной и летом этого года, зверства турецких оккупантов в отношении мирного армянского населения этих областей, боль и стеснения народа. В этом фактически документальном очерке, как и в другой статье⁴ Колмакова, опровергаются лживые измышления о якобы имевшем место погроме отрядом Андраника азербайджанского селения Ягджин; автор показывает, что спровоцированные турецкими офицерами засевшие в этой деревне националистические банды мусаватистского толка на мирные предложения Андраника ответили угрозой уничтожить его отряд и потребовали 20 тыс. рублей денег, что и заставило Андраника очистить дорогу для прохождения отряда. «Андраник предложил татарам (азербайджанцам—В. М., Ан. З.) пропустить отряд, обещав им гарантировать безопасность, личную, имущественную. Татары ответили: —Дадите двадцать тысяч рублей николаевскими деньгами, тогда пропустим вас и дадим проводников, чтобы они вас проводили, иначе мы всех перебьем» (с. 78).

От Колмакова не ускользнули и противоречия между Андраником и дашнакским правительством; дело дошло до того, что последнее объявило Андраника вне закона за то, что он не признавал позорного договора, заключенного с Турцией 4 июня 1918 г. в Батуме. «Не приемлю вашего позорного мира. Не умел и не сумею быть рабом турок»,— заявил Андраник. «Наш отряд,— пишет далее Колмаков,— по требованию Турции, армянское правительство объявило отрядом бунтарей, за действие которого оно не отвечает. Мы были объявлены вне закона» (с. 73). Обращаясь к Колмакову, Андраник говорил: «Ведь нас никто не хочет признать, ни Турция, ни Армения... Кому же подавать рапорт, как не самому Богу» (с. 79).

Колмаков хорошо знает армянский народ, ему понятны его нужды и чаяния, известны его любовь и преданность России. И поэтому он справедливо упрекает правителей России, не сумевших оценить эти благородные качества армян, которые при иных руководителях могли бы творить чудеса: «Я пришел к заключению, что это народ поразительного героизма, но нуждающийся в достойных руководителях, которым они могли бы доверять. Многие ли из нас шли к ним с такой открытой душой, чтобы они могли нам довериться? Мы не шли, а своих руководителей, к сожалению, у них было мало, а какие были, их Россия направила на Западный фронт... Вся трагедия этого маленького, героического народа, преданного России, в том и была, что он оставался, как стадо без пастыря, травимый окружающей злобой и ненавистью. За что? Не мог никогда этого понять. И приходилось принимать единственное объяснение, что Россия посылала на Кавказ людей, лишенных государственного смысла и недобросовестных» (с. 81—82).

Работа Колмакова проникнута глубоким уважением и симпатией к Андраннику; в ней раскрыта безграничная любовь народа к национальному герою, любовь, которую он завоевал своим служением народу, его освободительной борьбе.

Настоящая публикация, на наш взгляд, представляет несомненный интерес не только для историка, занимающегося вопросами истории национально-освободительной борьбы армянского народа и роли Андраника в этой борьбе, но и для массового читателя, которому дорого имя выдающегося Андраника и который каждое правдивое слово о нем воспринимает как дань уважения к своему героическому прошлому, проникнутому отвагой и скорбью.

Работа Колмакова публикуется с незначительными сокращениями.

В. А. МИКАЕЛЯН,
А. А. ЗАКАРЯН

⁴ См.: «Знамя труда», 7. XII. 1918 (№ 148); «Кавказское слово», 12. XII. 1918 (№ 269); см. публикацию М. Нерсисяна, А. Арутюняна, Д. Мурадяна, Материалы о генерале Андранике [*Հանրապետության հերոսի մասին*] («Историко-филологический журнал»), 1981, № 4, с. 244—246].

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРМЯНСКАЯ РОТА

[1]

В СИБИРИ

Это были жуткие дни для Иркутска 10—18 декабря 1917 года.

Снаряды с треском рвались, попадая в окна, крыши домов и разрушая все на своем пути. Пулеметы трещали на всех улицах. Бомбы, бросаемые из домов, с гулом разрывались в городе...

И вот в эти кошмарные для иркутян дни вдруг откуда-то явились в серых шинелях, хорошо дисциплинированные, смуглые, черноглазые, черноволосые люди и смело протянули свою честную руку помощи гражданам. Это была рота из 210 военнопленных армян, добровольно сдавшихся нам в боях с турками и нашим правительством зачем-то эвакуированных в Сибирь, словно в благодарность за их симпатии к России. Это были люди, прошедшие у нас четыре года тяжкого плена, голода, холода. Иркутяне вначале недоверчиво встретили их. Но лед подозрительности постепенно стал таять...

При сорокапятиградусных морозах, несмотря на плохую обмундировку, они безропотно несли тяжелые обязанности как по охране города, так и при производстве обысков. Куда только ни требовалась помощь, они являлись моментально и плохо было тому, кто попадался на месте преступления...

Повеселели лица граждан и смело заходили они по улицам, ибо в лице армянской роты они видели верных своих защитников.

Идет, бывало, наш солдатик по улице, встречает его какая-нибудь дама, берет под руку и говорит: «А, Карапетик, идем к нам обедать». А наш Карапет только улыбается и весело, важно шагает, а ему все встречные дружелюбно кланяются.

Каждый иркутянин чуть ли не всех их знал по имени и считал своим долгом выучить два армянских слова «Кнанк чашенк», т. е. «Пойдем обедать».

И жила армянская рота с иркутянами, как одна родная семья, у всех и днем и ночью для них были открыты двери. Вот идет рота по улице, а какой-нибудь приезжий спрашивает: «Это, что, переодетые юнкера?»

— Нет, это наша армянская рота, — с гордостью отвечает иркутянин.

— То-то я смотрю, все уж больно черные, — говорит приезжий.

Большевики оценили честную работу армян и всеми силами старались помочь им...

Постепенно стали наступать спокойные до некоторой степени дни в Иркутске, а с Кавказа получались телеграммы-воззвания — идти на защиту родины всем армянам.

Стали поговаривать и наши солдатики об отъезде. Стали просить нас, чтобы мы выхлопотали им разрешение для отправки их на Кавказский фронт.

— Ведь вам же здесь хорошо живется, — пробовали мы отговаривать их.

— Это наш долг, — бывал их краткий ответ.

Построили мы роту. Стали спрашивать адреса на случай их смерти.

— Где у тебя, Мекердич, дом?

— Чика тун (нет дома). Мать, отца, жену, детей турки зарезали. Таков же был ответ другого, третьего, всех 210 человек.

Для нас, сибиряков, слышать это было так дико и в то же время больно: как это резать? За что? И только после долгих бесед с ними мы поняли весь ужас, все величие страдания этого народа...

Надо было ехать, а денег у этих солдат, благодаря их поразительной честности и бескорыстию, с которым отправляли свою службу, совершенно не было. Как же им было ехать? И вот тут-то весь Иркутск отозвался. Горожане стали устраивать вечера, посылались пожертвования, все сборы кинематографов стали уделяться армянской роте. Отозвалось и городское самоуправление.

Наступил день отъезда. С утра город разукрасился флагами. Все граждане вышли провожать своих защитников. Все учебные заведения, все правительственные учреждения, магазины, конторы закрылись. Для отъезжающих играли духовые оркестры. Большевики выстроили на станции свой караул, поезд украсили флагами.

Каждый нес в поезд все необходимое для дальней дороги. Все были взволнованы. Наступила минута прощания. Прощались как родные, целуясь со слезами на глазах. Третий звонок. Заиграла музыка. Поезд тронулся. Из вагонов раздалось дружное «ура». В ответ ему провожающие, со слезами на глазах, махали платочками, посылали воздушные поцелуи.

Скрылись последние дома родного города...

Мы полны дум об этих солдатах, об этих смуглых, благородных людях, с которыми нас мчит теперь поезд по необъятному простору великой России. И среди этих дум одна-единственная не дает покоя нашей душе. Сумеем ли мы этим дорогим, близким нам существам, спасшим нашу родину от разрушения и гибели, отплатить тем же?

Поезд мчится среди дремучих лесов Сибири, одетых в серебро зимы. Солдат Татевос смотрит в окно и со слезами на глазах про себя мурлычет свою грустную, красивую песню странника:

Грунг, усти гукас?...
Журавль, сткуда летишь?

[II]

В РОССИИ И НА КАВКАЗЕ

Все еще Сибирь. Бесконечный край, утопающий в снегу.

Станция Анжарская. Ночь. Все спит. Громкие голоса. С шумом вваливаются комиссары в вагон. Требуют немедленной сдачи оружия. По сигналу наши выскакивают на платформу и в полной боевой готовности мигом становятся под ружье. Эта стремительность, видимо, действует на большевиков.

— Кто такие?—уже нерешительно спрашивают они.

— Армяне. Едут на Кавказский фронт.

Большевики извинились. Ушли. Поезд мчится дальше. Проехали Челябинск. За ним скрылась родная Сибирь с ее дремучими лесами, с ее трескучими морозами. Стало тяжело. Солдаты поняли нас. Стараятся утешить.

— Ничего, господа, приедем в Армению—тепло будет, хорошо,— говорит мой верный Карапет, не раз спасавший мне жизнь.

Долго ехали по России, по ее обширным полям... Приехали в Ростов. Соединились с эшелонами добровольцев армян, едущих из Киева, Харькова, Москвы. Студенты, курсистки—все стремились на защиту своей родины. Соединившись в два эшелона, поехали дальше...

Приехали в Туапсе. Сели мы на пароход и после четырехдневного путешествия на палубе парохода, под проливным дождем, при сильном

морском ветре, приехали на пристань Поти, измученные, усталые, но с сознанием, что мы почти на Кавказе.

И по чуждой для нас, сибиряков, дороге, проложенной среди живописной южной природы, подкатили к Тифлису на открытых платформах. Разместили нас в казармах. И потекла казарменная, серая жизнь в этом красивом, но чуждом и странном для нас, северян, городе, полном света, солнца, тепла, ласковых гор и разноязычного говора—армянского, грузинского, осетинского, русского... Но самая казарменная жизнь наших солдат, видимо, тяготила. Они стали сосредоточенные, нервные. Чувствовалось, что рвутся куда-то и сами не знают, куда. И не знают, с кем... Хуже и тяжелее бывала борьба с армянским командным составом, желавшим взять роту под свое командование, вопреки желанию солдат. Мы этого не хотели. Почему? Не было веры в этих людей.

Мы чего-то ждали. Мы ждали своего вождя. Но где он? И кто будет им? Кто поведет за собой нас, готовых положить нашу жизнь за родину этих дорогих нам людей. Где он? Он оказался здесь, в Тифлисе. Рядом с нами. Но он был болен и телом и душой. Болен от всех интриг, которыми опутали его, благородного, доверчивого, великого, маленькие люди, чуждые страданиям народа,—люди, для которых почести и слава, добытые хотя бы преступными путями, были дороже интересов народа. Это был знаменитый вождь армянского народа генерал Андраник, имя которого прославляет даже наше забайкальское казачество, там, вдали от Кавказа, в глухой Сибири. К нему мы и устремились. К нему, седому генералу с измученным лицом, лежавшему в постели.

III

Долго мы беседовали с генералом. Долго просили его, чтобы он сформировал отряд, ядром которого могла бы стать наша рота. Генерал не соглашался.

Тяжело было нам, сознававшим, что в Закавказском сейме враги армянского народа и совершают свое нечистое дело.

А тут еще со стороны грузин и татар шли какие-то тайные операции с захватом сеймовского оружия, явно направленные против армян. Помнится, вели мы солдат в казармы. Подходим к арсеналу и видим: приближается автомобиль. Остановили.

— Кто вы?

— Мусульмане, — был ответ.

— Что везете?

Замялись. Видимо, испугались. Поведение их было подозрительное. Сделали обыск. Автомобиль оказался нагруженным русскими трехлинейными винтовками.

— Кто вам разрешил?

Показывают нам разрешение от Закавказского сейма и в то же время говорят, что купили у грузин.

Солдаты тоже поняли, что тут что-то неладно. Выяснилось, что сделан подлог.

Насилу удержали солдат, которые тут же хотели с ними расправиться. Оно и было понятно. С турками дрались армяне. Им же и нужно было оружие. Для чего же грузинам и татарам? Наверное, для того, чтобы бить с тылу армян?

Этот случай и много ему подобных так возмутили нас, что мы решили действовать немедленно. Собралось тысяч двадцать турецких армян, тоже ждавших Андраника. И решили мы показать тем, кто нас предавал, что есть еще люди, готовые постоять за себя. Надо было уничтожить Закавказский сейм, это гнездо предательства. О нашем ре-

шении мы сообщили Андранику. Через четыре часа мы должны были привести в исполнение наше решение, через четыре часа. Жуткое время пережили мы. Прошел час. Два. Три. Вст уже осталось полчаса. Мы выстраиваемся. Мрачны были лица солдат, глаза горели решимостью. Каждый понимал важность момента. Но вот с правого фланга раздавалось громкое «ура!» по всему фронту. И мы увидели его, нашего долгожданного отца Андраника. Мы увидели его величественную осанку, гордо поднятую голову и эти глубокие, удивительные глаза. Мы услышали его могучий голос, который проник в наши сердца, зажег в них яркое пламя огня. Он освятил наши мысли, рассеял все сомнения. Мы, как дети, радовались его приходу.

— Вы меня звали, я пришел. Остановитесь! Я поведу вас против палачей армянского народа. Оставьте сейм. Эти предатели не будут страшны, когда мы сокрушим внешнего врага—турка. Солдатам место на поле брани, а не здесь, в этом гнезде разврата и предательства. Я принимаю командование вами. Быть может, сам Бог послал мне вас.

И мне почудилось, что из глаз этого железного человека покатились одна крупная слеза. Так ли это было? Я помню только, что у нас у всех стояли на глазах слезы. Новое громовое «Кецц Андраник» было ответом на его речь. Началось формирование отряда. Погрузились в вагоны и поехали в Александрополь. Мне лично не верилось. Мне казалось, что это сон, это тот дивный сон, о котором я там, в далекой глухой Сибири, не раз мечтал.

IV

В РУССКОЙ АРМЕНИИ

В Александрополе нас обмундировали, и 10 апреля 1918 года наш отряд направился к Ахалкалакам, получив приказ от генерала Андраника не переходить, согласно перемирию с Турцией, пограничной черты по реке Арпачай.

Сам генерал задержался на сутки в Александрополе для распоряжений по пограничной службе. Мы шли без него. Шли трое суток. Впереди ехала наша кавалерия. С чего-то вдруг остановились. В чем дело? Показывают на армянина-крестьянина, который с полными ужаса глазами что-то рассказывает, показывая рукой по направлению к недалеко лежащей деревне, откуда клубом поднимается дым. Мне объяснили.

— Курды и татары вырезали шесть деревень: Туз-Карабах, Чивтали, Казанчи, Кайкули, Кизель Килеса, Шестану.

— Как вырезали?

Солдаты молчат.

Взяв с собою сотню кавалерии, мы поскакали по направлению к деревне.

О! Ужас! Кошмар! Женщины, дети, старики валялись в лужах крови. Одни не движутся, другие мучаются в предсмертных судорогах. Жуткая действительность. По сравнению с ней все пережитые нами до того ужасы показались такими ничтожными... Ох, не могу я забыть до сих пор среди этого хаоса крови трупа молодой женщины и барахтающегося около нее в луже крови полужарезанного ребенка... Впервые тут вполне ясно уразумел я всю глубину Голгофы армянского народа. Уразумел и ужаснулся. Кровь, везде кровь. Невинная кровь детей, женщин, стариков. Кругом бездыханные, окровавленные трупы.

Неведомое чувство охватило нас. Рука невольно потянулась к эфесу шашки и крепко, крепко сжала.

Мы кинулись за неуспевшим еще убежать врагом. Зашли к курдам в тыл. Открыли они по нас ружейный огонь. Но ничто не могло удерживать солдат. Невинная кровь взывала о мести... Наказав врага, к вечеру усталые, на усталых лошадях мы возвращались с экспедиции... Вместе с нами возвращались с разных сторон уцелевшие от ужасов крестьяне... в свои разоренные, подожженные села, утопающие в крови зарезанных мирных жителей—детишек и женщин...

Солнце заходило: горы бросали свою мрачную тень на этот мрачный мир, о котором мы у себя в Сибири не имели понятия...

Расположился наш отряд в армянских деревнях. Наша рота поместилась в деревне Кайкули-Казанчи, жители которой в своем удивительном гостеприимстве делали все, чтобы мы ни в чем не нуждались. Резали баранов, пекли свежие лаваша, старались как можно лучше принять своих освободителей.

Текла мирная, спокойная жизнь. Вечером посылались караулы, расставлялись часовые. Конные разъезды ездили по границе...

Была весна. Солнце поднималось все выше на небе, день бывал жаркий, но жара не казалась томительной и тягостной. Была бодрость в горном воздухе. И несмотря на ужас положения страны, на которую надвигался бесчеловечный враг, в этом удивительном воздухе рождались невольные грезы о счастье. Такова, вероятно, волшебная сила гор... Надо было, видимо, мне попасть в армянские горы, чтобы уяснить себе сложную психику армянина, то угрюмую, как скалы, то наивно нежную, как свирель пастуха, то неистовую, как горный поток, то полную отчаяния, как пропасть между гор. Только тут стал я сердцем понимать их вполне—и их жизнь, и их своеобразную народную музыку, и их песни, и их пляски... И передо мной открывался совершенно новый, неведомый дотоле мир, полный особых красок, особого ритма, особого течения. Но обстоятельства тогдашних событий не давали мне возможности спокойно жить и наблюдать окружающую любопытную жизнь армянской деревни. Мы жили, как на вулкане: в стране были турки. И действительно, от Андраника вскоре пришло извещение: вопреки договору, турки двинулись на Александрополь и взяли его. Мы были окружены со всех сторон. Приказ Андраника гласил:

— Защищаться и удерживать противника до моего приказа, умрите все, но не пропускайте турок.

Пехота рассыпалась в цепи. Кавалерия поскакала во фланг противнику. Пулеметы установили на крышах домов и в цепи пехоты. С левого фланга слышна была орудийная канонада.

Андраник с бывшими у него частями вел бой с наступающими турками.

Но вот полетели снаряды и на нас, с треском разрывались на крышах, среди деревни. Дети, женщины, старики бегут. Село опустело. Затрещали пулеметы, ружейный огонь не умолкал. Вот с визгом летит снаряд, с гулом разрывается в цели. Несколько наших всадников вместе с лошадьми падают окровавленные. Вот валится один, а вот и другой—оба из нашей Сибирской роты.

Противник переводит артиллерийский огонь влево. И мы видим жуткую картину. Летит кавалерия, из-под копыт лошадей клубом поднимается пыль. Впереди кавалерии на несколько шагов, на взмыленной лошади—сам Андраник. С обнаженной шашкой, гордый, сильный, словно бронзовый. Пули с визгом пролетают мимо него, попадая во всадников, скачущих за ним. Снаряды с шумом разрывались около него, заволакивая его клубами черного дыма. Нам казалось, что вот-вот после разрыва снаряда мы не увидим больше следа его и его лошади. Но пос-

ле каждого разрыва он цел и невредим выезжал из тучи дыма. Все ближе и ближе к нам. Рука его крепко сжимала эфес красивой кривой шашки. Осадив слегка лошадь, генерал скомандовал:

— За мной—вперед! Ура!

И поскакал вперед, как всегда, бесстрашный. Мы бросились за ним. Турки осыпали нас градом пуль и снарядов. Но это нас не могло остановить: с нами был Андраник. Вот и кавалерия турок. Не выдержала она нашего налета и в панике бросилась бежать. Турки были разбиты. Но Андраник преследовать не приказал, ибо еще впереди и по сторонам надвигались на нас полчища турок. Приказал всем деревням эвакуироваться. Ибо нашему отряду, состоявшему из трех тысяч бойцов, 8 пулеметов и двух горных орудий с небольшим количеством снарядов, приходилось занимать участок фронта в несколько десятков верст.

[V]

НА КАВКАЗЕ И В РУССКОЙ АРМЕНИИ

Без каких-либо резервов нам приходилось день и ночь принимать удары врага на себя.

Потянулись арбы, нагруженные домашним скарбом эвакуированных крестьян. Гнали скот. И все это тянулось мимо наших позиций всю ночь. Холодную, дождливую ночь. Шесть или семь деревень эвакуировались. Все беженцы собрались в деревне Чивтали, расположенной в красивой долине, пересекаемой в нескольких местах ручейками. По сторонам виднелись высокие горы, вершины которых были покрыты туманом, который то опускался чуть ли не до подножья, то вновь поднимался, оголяя снеговые вершины, куда змейкой тянулась шоссейная дорога. С ужасом смотрели беженцы на эту дорогу, по которой через некоторое время им надо было подниматься.

Стал Андраник перебрасывать части по-своему, с места на место. Беря один взвод из роты, посылал его неизвестно куда. Мне, как офицеру Западного фронта, показалась странной такая переброска, которая ничего хорошего не предвещала. Но через некоторое время Андраник, заметив, видимо, мое изумление, подходит и объясняет, показывая пальцем и улыбаясь своей обыкновенной улыбкой.

— Видишь, вот 1-я рота, 2-я рота, там пулеметы, артиллерия, а вон и кавалерия. Взглянул и поразился: все было на нужном месте. Каждая рота, пулеметы, артиллерия и кавалерия.

— А вот и ваши места,—указывая на окопы, откуда, как черные угольки, выглядывали солдаты.

Через некоторое время Андраник поднялся на горы по шоссе для того, чтобы очистить от татарских банд и турок дорогу для беженцев. Нам же приказал защищать занятую нами позицию и постараться, чтобы все беженцы двигались по шоссе.

Моросил холодный дождик. Беженцы целыми семьями сидели под открытым небом, под дождем.

Зашел я в один дом погреться, чего-нибудь перехватить, сильно продрог, весь мокрый, голодный. Захожу и вижу вокруг печки, вырытой в земле (тондира), сидят армянки и пекут лаваш. Не ел ничего уже целые сутки. Радужно усадили меня рядом с собой. Разложили передо мной жареную курочку, свежего лаваша с мацони. Хорошо, тепло было тут, не то что на дворе, где моросил дождь. Пригрелся, и захотелось уснуть. Но вдруг слышу шум. Выскочил и вижу: двигаются по долине турецкие цепи кавалерии, а сзади цепи пехоты. Поднялся невообразимый шум и плач. Жутко было видеть панику одной деревни, а тут

скучилось восемь деревень. Давя друг друга, хватая, что попадало под руки, бежали беженцы в разные стороны. Напуганные этим шумом лошади, как бы обезумев, скакали. Давили детей, сшибали с ног женщин, стариков.

Как лава ринулось это все на долину и мешало нам ориентироваться, с одной стороны, и с другой—неблагоприятно действовало на моральное состояние солдат. К счастью, солдаты не поддались действию этой паники. По команде залпами открыли огонь. Кавалерия с фланга ударила на врага. Турки побежали, усеивая долину убитыми и ранеными, даже не успевая их подбирать.

Надо было увести поскорей беженцев по указанной дороге. Но словно бес вселился в них—отказывались. И с непонятной покорностью твердили одно:

— Нам все равно, здесь ли турки зарежут нас, или там, лучше уж здесь, на родной земле...

Несчастные, они не могли расстаться с красивой долиной, и верная смерть здесь им казалась лучше участи беженца на горных снеговых вершинах, окутанных в тот день мрачным холодным туманом. Сколько ни бились было, ни уговаривали, ни угрожали, ничего не могли сделать.

Наступил уже вечер. Пришло донесение от Андраника.

— Разнес многочисленные татарские банды. Открыл дорогу, немедленно двигаться по направлению к Джалалоглы! Если беженцы не идут, оставьте их.

Больно было расставаться, тяжело бросать их на верную смерть, ужасную смерть. Но у этих несчастных еще теплилась надежда; авось не тронут—пощадят. Возьмут все, скот, все то, что наживалось тяжелым долгим трудом, из поколения в поколение, но жизни хоть не отнимут.

Стали подниматься на горы. Холод стал давать себя чувствовать. Туман сгущался, а холод все усиливался. Вот поднялись на самые горы. Холод ужасный, темнота непроглядная, грязь непролазная. Солдаты дрожат без шинелей. Голодные, измученные. Третий день в боях без смены, они и тут не потеряли присутствия духа.

— Господа-поручик, в Сибирь попали, в ваш Иркутск,—смеется Карапет, а у самого зуб на зуб не попадает.

Собрались на горе, привели части в порядок и двинулись. Шли или, вернее, шлепали по грязи, молча, без слов. И у всех страх, что в той красивой долине, которую мы только что покинули, завтра может совершиться нечто ужасное... Тяжело было на душе, больно. Без отдыха шли до 12 часов ночи, присесть негде было, кругом снег или грязь. Пришли на какую-то яйлу; ничего не видно. Здесь должны были переночевать. Попадали в какие-то ямы с водой, вылазили, снова шагали и падали. Все мокрые, измученные, голодные. Залезли мы двое с кем-то в полуразвалившуюся не то избу, не то конюшню, откуда несло смрадом и зловоньем. Зажгли спичку, увидели назем, ну ничего, сойдет, не впервые. Расстелили бурку, покрепче обнялись, прижались друг к другу, и... забылись мертвецким сном...

[VI]

В ЛОРИ. НЕДОСТОЙНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

...Солнечное утро. Двигаемся по Лори. Горы, зелень, ущелье и над всем этим весеннее солнце. Все кругом полно свежей прелести. Один из солдат около меня нараспев произносит стихи популярного лорийского поэта Туманяна и старается дать мне понять их красоту и никак не может.

— Господа-поручик, а ты этого не поймешь. Надо знать по-армянски.

Он был прав. Я не понимал тогда. Позже я ознакомился с поэзией поэта цветущего Лори по прелестным переводам Брюсова и других и очаровался.

К Андранiku подъезжает всадник, сообщающий ужасную весть. Все восемь деревень в долине снесены турками, а жители их поголовно вырезаны.

Молча, угрюмо двигаемся вперед. На ясное небо набежали тучки. Моросит дождь. Подъезжаем к местечку Джалалоглы, так уютно расположившемуся в горах. Весь утопающий в зелени, Джалалоглы нам, русским, напоминал давно невиданные местечки России. Мы приближались к нему, как вдруг до нас донесся вечерний колокольный звон. Как радостно забило сердце! ... Но вот и Джалалоглы. Вошли туда. Разместились кое-как. Накормили нас, чем бог послал.

Андраник вместе с офицерами выехал для осмотра местности: конфигурация ее, где должна была быть расположена позиция, нам была совершенно не знакома. Выбрали позицию. Наметили участки для каждого батальона, пулеметов и кавалерии. Артиллерия должна была расположиться в самом Джалалоглы, так как вывести ее на открытую позицию не представлялось возможным.

От штаба русского корпуса из Тифлиса получили бумагу, в которой говорилось, что два орудия, находящиеся в молоканской деревне Воронцовке, должны принять мы. Пошли в Воронцовку. На предъявленное Андраником требование молокане заявили ему, что орудие не сдадут. После долгих и тщетных переговоров Андраник послал войсковую часть с целью несколько припугнуть их, полагая, что тут какое-то недоразумение или недомыслие. Но когда мы стали ночью подходить к Воронцовке, молокане по нас открыли стрельбу. Это было возмутительно. Но мы, конечно, не стали отвечать им тем же. Свои же люди, те же христиане. Пришлось одному из офицеров ехать к ним, выяснить, в чем дело. Во время своего пребывания в Воронцовке офицер с удивлением заметил недружелюбное отношение молокан к нашему отряду, причем, в противоположность молоканам, офицеры, служившие у них, умоляли, чтобы вместе с орудиями и их бы взяли. Молокане, как выяснилось, дошли до такой подлости, что с другой стороны деревни привели турецкие части, с тем, чтобы те, пользуясь темнотой ночи, могли нас обойти. Было стыдно за наших и гадко на душе.

Пришел приказ Андраника возвратиться обратно. По полученным позже достоверным сведениям стало известно, что молокане выдали туркам всех русских офицеров и орудия, причем один из них — капитан — был там же расстрелян, а вольноопределяющийся бежал.

На следующий день нам было приказано занять позиции. Вышли из Джалалоглы в 12 часов ночи. Был холод. Моросил мелкий дождик. Но вот чуть-чуть забрезжило, стало светлее. Мы легли цепью, занимая всю долину. Кавалерия находилась за пригорками...

Начался артиллерийский дождь. Снаряд за снарядом с шумом разрывались по окопам. Стоны раненых смешивались с трескотней пулеметов и грохотом разрывающихся снарядов. Все слилось в общий невообразимый шум, которому вторили раскаты начавшегося грома с ливнем. Наскоро вырытые для защиты от осколков и пуль окопы были наполнены водой. Солдаты, грязные, мокрые, измученные, лежали в этих ямах и зорко следили за противником, который перегруппировывал свои части, по-видимому, желая нас обойти слева.

Посмотрел я в сторону и увидел своего любимого начальника Андраника, который точно так же, как и солдаты, лежал весь мокрый, грязный. Капли дождя скатывались с его лица.

— Что, Колмаков, на Западном фронте было лучше?

— И того хуже бывало, генерал, — ответил я ему.

Гроза утихла. Надвинулась другая гроза. Турки, как говорится, «крыли вовсю», засыпая нас снарядами. А мы все лежали.

Андраник приказал отступить. Пришли в Джалалоглы, а оттуда по шоссейной дороге по направлению к станции Калагеран.

Беженцы запрудили всю дорогу арбами. Грязь непролазная. Быки не везут. Солдаты, женщины, дети, все смешалось.

Во вот и станция Калагеран. Поднялись в деревню Дисех, красиво расположенную на высокой, покрытой лесом горе. Там впервые я, как и многие из нас, познакомился с армянским поэтом Ованесом Туманяном, уроженцем этих мест, влюбленным в свое живописное Лори. Меня поразила при знакомстве седая голова поэта, моложавое лицо, добрые-предобрые глаза, но я тогда не подозревал, что под этой скромной фигурой скрывается автор такой поразительно красивой поэзии, какую я познал позднее при знакомстве с ней в переводах на русский язык.

Пришло донесение, что Караклис находится в опасности. Просили помощи. Но что могли сделать мы, замученные, голодные? Мы не в состоянии были послать даже кавалерии, о посылке пехоты и думать было нельзя.

На другой день стали прибывать солдаты, отступавшие под давлением турок. С ними были и офицеры, в том числе командир особой армянской бригады полковник К.

Андраник устроил совещание, на котором прибывшие доказывали всю безнадежность дальнейшей борьбы и находили единственным исходом из положения — прокрасться в Тифлис.

— Вы забыли, офицеры, и ваше дело поступить так, как подскажет вам ваша совесть и ваш пост. Но я должен вам откровенно сказать, — с трудом переводя дух, говорил Андраник, и каждое его слово ложилось, как удар хлыста, — следовать вашему плану я считаю для себя и для своего отряда неприемлемым и прямо скажу — позорным. Мы будем драться до конца.

— Но ведь это явная гибель! — возражали прибывшие.

— Не знаю. Может быть, что и гибель. Тем не менее, на мой взгляд, вам надо следовать нашему примеру.

— Это бесцельно, — повторяли одни, — лучше сдать.

Андраник удивленно смотрел на них.

— Туркам сдаваться? — презрительно бросил он им вопрос. — Разве это люди, которым можно сдаваться? Разве у них есть капля благородства? Разве эти хамы-турки способны отнестись с благородством к врагу, который им сдается? Несчастье кавказских армян в том, что при суждении о турках они рассуждают как люди, свалившиеся с луны. Они вас ограбят, как самые обыкновенные мелкие воришки, они поиздеваются над вами, как хамы, и ваше счастье, если убьют, предварительно не поистязавши вас... Вы не знаете турок.

Но Андраник не сумел их убедить. Они отправились в Санаин сдаваться в плен. И случилось то, что этот удивительный генерал предсказал. Часть сдавшихся была перерезана турками, другая часть спаслась бегством в лесах.

Там же, в лесах Лори, пришлось около недели скрываться и поэту Ованесу Туманяну с семьей.

Мы двигались по горной дороге, держа путь на Дилижан, ведя с собой массы беженцев, число которых увеличивалось с каждым днем. Это сильно замедляло наше движение. Но иначе было нельзя.

Шли мы среди дремучих лесов Лори, по высоким горам. В лесу же проливной дождь с громом и молнией, которые тут очень часты. На другой день был такой же сильный дождь с громом, перешедший к полудню в сильный встречный град, который хлестал по лицу и не давал возможности быстро двигаться беженцам, обремененным детьми, домашним скарбом, вьючными животными, арбами.

Кое-как добрались до Дилижана. И сразу же, не отдыхая, заняли позиции, дабы там остановить движение турок и тем временем занять Дилижан.

Но в это время армянское или, по терминологии турок, араратское правительство заключило мир с турками*. Нам предложили оставить позиции и сдать их.

Андраник послал гордый ответ правительству:

— Не приемлю вашего позорного мира. Не умел и не сумею быть рабом турок.

Наш отряд, по требованию Турции, армянское правительство объявило отрядом бунтарей, за действие которого оно не отвечает. Мы были объявлены вне закона.

Андраник выстроил весь отряд и в горячей речи сказал:

— Кто не боится холода, голода, смерти, для кого дороги интересы своего народа, тот пойдет за мной. Трусов я не беру и не помилю. Кто боится, пусть идет в Эриван, но предупреждаю, оставшиеся со мной должны умереть с честью. Денег, хлеба, обмундирования у меня нет. Мало снарядов, два орудия, но у меня есть вера в вашу силу, в вашу сознательность долга перед родиной.

Грозовым «ура» покрыли мы слова нашего любимого генерала. И все до единого поклялись умереть с ним и не быть рабами турок. И двинулся отряд по шоссе мимо озера Гокча, молоканских деревень Еленовка, Семеновка и др. 12 июня мы вступили в Ново-Баязет. Отдохнули два дня и перебрались по горам через Селимский перевал, миновали много мусульманских деревень. Никого из мусульман не тронули.

Прибыли в Нахичеван 20 июня. За нами шли беженцы (турецкие армяне) в количестве тысяч пятнадцать с женами, детьми, со всем своим скарбом. В Нахичеване Андраник приказал местами разобрать железнодорожный путь, чтобы обеспечить тыл со стороны Шахтахты. Два дня спустя наш отряд через Нахичеван выступил к Джульфе и, минуя армянские деревни Кузнут, Бананьер, мусульманские Карачук, Шаляр, Абад, Гумбул и другие, прибыл в Джульфу. При приближении к джульфинскому мосту мы заметили турецких аскеров, которые не знали, кто приближается к ним. Ввиду этого было приказано нашему оркестру, состоящему из флейты и скрипки, играть турецкий военный марш. А один из молодых офицеров крикнул по-турецки:

— Почему не берете на караул, не видите, что ли, что турецкий паша едет.

Турки, по-видимому, поверили и выстроились. Каков же был их ужас, когда они увидели, что это не турки. Задержавшийся по делам

* Имеется в виду мирный договор между Турцией и дашнакским правительством, заключенный 4 июня 1918 г. в Батуме.

позади генерал Андраник как раз в это время появился среди нас.

Турки заметили его. Один араб, который знал в лицо Андраника, спрятавшись за выступ моста, прицелился и хотел было выстрелить. Но вовремя заметивший это наш ординарец Аслан, прошедший с Андраником в походах пятнадцать лет, бросился к арабу и зарубил его шашкой. 25 аскеров и 2 офицера при этом были взяты нами в плен, отправлены в Джульфу.

Беженцы тоже хотели вслед за нами перейти мост. Но Андраник строго приказал не двигаться за нами: предстояло слишком серьезное дело. Андраник приказал джульфинскому гарнизону ни под каким видом не пропускать беженцев в Персию. Собрали около ста пятидесяти пудов лаваша в армянской деревне на отряд в 3 тыс. человек, захватили из Джульфы кишмишу и рано утром, переночевав на берегу Аракса, двинулись в глубь Персии. Вот тут и начались наши мытарства, лишения. Хлеба нет, воды нет. Жара невыносимая, кругом солончак.

Помню в полдень, когда жара стала уже нестерпимой, мы с Артюшханом присели закусить. У меня оказался кусочек швейцарского сыру и коробка английского бисквита, чудом сохранившаяся еще из Александрополя. Это и был наш завтрак. Утолить жажду было нечем. Пришлось запить соленой водой, которая еще пуще усилила жажду. Становилось невозможно дышать было нечем. Солдаты измученные, голодные, все в пыли, кое-как плелись. А тут еще неугомонный Карапет изводит:

— Господа-поручик, в Иркутске лучше было.

Полжизни бы отдал в тот момент за стакан свежей воды! А вместо нее приходилось глотать пыль.

Но вот жара спала. Наступил вечер. Лица солдат повеселели, заговорили, запели свои национальные своеобразные песни.

Остановились на ночлег. К нашему кружку подсел Андраник.

Был вечер. Потом слово за слово Андраник стал рассказывать, как в былые молодые годы он под командой своего любимого вождя Серопа* дрался на этих горах с турками.

— Вот, кстати, познакомьтесь, жена моего учителя Сероп-паши**, — сказал Андраник. И мы увидели старушку, которая, ловко соскочив с лошади, подходила в это время к нам.

Нам интересно было видеть супругу знаменитого вождя армян. И мы с любопытством, смешанным с почтительностью, стали осматривать ее.

— Это женщина была три раза ранена. Она участвовала во всех походах мужа.

— Когда мне было 20 лет, — говорил Андраник, — турки приговорили меня к вечной каторге, и я пришел тогда к Сероп-паше. И тут увидел я ее, эту поразительной тогда красоты женщину, которая так смело шла со своим мужем на смерть — то во главе небольшого отряда, верхом на арабском скакуне, то пешком, то сидящей сзади нас за скудной пищей...

Я рассматривал эту женщину, стараясь отыскать в ее загорелых сморщенных от солнца, ветра и непогоды чертах старого лица следы бывшей красоты, о которой говорил Андраник. Но сосредоточенное, вдумчивое лицо старухи говорило мне только о своеобразной больной душе ее. И только раз, когда по-детски улыбнулась, говоря с Андраником,

* Ахпюр Сероп (1864—1899) — один из выдающихся деятелей армянского национально-освободительного движения.

** Речь идет о Соси.

черты ее разгладились и блеснули молодые, красивые глаза из-под тонких, изящных бровей...

Была ночь. На завтра ожидался новый бой. Расставаясь на ночлег, Андраник бросил мне:

— Побьем, Колмаков? Или нас побьют?

— Побьем, паша,— ответил я ему.

Полегли спать под открытым небом. Кругом мелькали огоньки. Была тишина. Слышался только храп измученных солдат да ржание лошадей, мирно пасущихся в поле.

VII

У ДЖУЛЬФЫ

На утро двинулись дальше. Опять без хлеба, без воды, глотая пыль, томимые жаждой. Солдаты плелись, кое-как волоча ноги.

А тут первая жертва от холеры: умер Аслан, тот самый, что последний раз спас жизнь Андранiku на джyльфинском мосту. Бросили все жевать грязный кишмиш: появился страх холеры.

Не доезжая до армянской деревни Сейдабара, турецкие регулярные части заняли позицию, окопались, установили пулеметы на высотах, возле татарской деревни Эванку. Открыли по ним орудийный огонь. С нами было только четыре сотни кавалерии. Пехота, артиллерия и пулеметы двигались сзади в пятнадцати верстах. Не дожидаясь подхода частей, Андраник приказал приготовиться к бою и переоделся в солдатскую шинель в целях предосторожности, чтобы не служить специальной мишенью для турок.

Был у нас только один путь к наступлению, через ущелье, против которого были расположены турецкие части. Идти через это ущелье значило, на наш взгляд, похоронить себя там. Андраник тем не менее приказал:

— Идти через ущелье, миновать его, двум сотням броситься вправо, двум—влево, окружить турок и бить!

Я уже прощался в мыслях со своею Сибирью: за четыре года войны на Западном фронте мне не приходилось ни разу применять такой метод наступления. Это было безумие—наступать по ущелью.

Андраник вскочил на лошадь, выхватил шашку: «За мной, ура!».

— Ура!...—...И мы бросились в ущелье.

Загрохотали орудия, затрещали пулеметы. Осыпаемые градом пуль, мы миновали ущелье. Две сотни бросились вправо, две влево. А сам Андраник, взяв с собой около тридцати всадников, бросился на орудия и пулеметы. Моментально забрал в плен орудия и пулеметы вместе с немецкими офицерами, которые командовали турками.

Каждую пядь земли пришлось брать с боя, турки защищались отчаянно. Рубили, кололи друг друга. Падали с лошадей и, валясь на землю, душили друг друга. Но наш налет был так стремителен и неожидан, что турки не устояли. Разбили их на несколько групп и к вечеру уже были под городом Хоем. Даже офицерские двуколки не успели увезти. Все валялось на шоссе—и кухни, и различный обозный скраб.

Расположились на ночлег возле деревни Сейдабар. Там мы увидели лишь только 12 армян; они сообщили, что армяне предварительно были вырезаны турками и что айсоры под напором турецких войск ушли в Урмию; армяне же из Салмаста бежали. Это обстоятельство имело огромное значение для дальнейшего передвижения отряда. За девять дней до нашего прихода в гор. Хой прибыла турецкая дивизия. Положение становилось серьезным. На другой день, 21 июня, отряд двинулся из

деревни Сейдабар к городу Хой. При нашем приближении турки открыли редкий ружейный огонь, который постепенно усиливался. Под сильным ружейным огнем Андраник, сидя верхом на лошади, отдавал приказания. Первый батальон пехоты с 4-мя пулеметами и 1-й сотней кавалерии были направлены для занятия дороги, ведущей на город Ван. 2-й батальон пехоты с 2-мя пулеметами и 1-й сотней кавалерии наступали прямо на город Хой. 3-й батальон и 3 сотни кавалерии с 2-мя пулеметами двинулись на салмастскую дорогу, как более важный пункт. Ибо со стороны города Салмаста ожидалось прибытие турецкой дивизии, на помощь хойскому гарнизону, которым командовал немецкий полковник.

Артиллерия наша в количестве двух горных орудий и одной полевой была установлена возле шоссе, ведущей в Хой. Мы открыли артиллерийский огонь по турецким цепям, расположенным на горах позади города. Пехота повела наступление на город, откуда турецкие части вместе с вооруженными персами открыли по нас пулеметный и ружейный огонь. Из одной башни крепости стреляла пушка по наступающей пехоте первого батальона. Но ничто не устрало наших солдат. Город был взят. Турки, разбитые наголову, бежали в беспорядке. Бой подходил к концу.

Андраник сидел возле могилы известного армянского вождя Вардана* и спокойно курил папироску. Но что это? Со стороны Салмаста по шоссе, ведущей к городу, поднимались клубы пыли. Через некоторое время мы увидели скачущую турецкую кавалерию. Тянулась пехота, артиллерия. Положение становилось серьезным. Нас всего было около трех тысяч бойцов живой силы. Артиллерия не в состоянии была состязаться с артиллерией противника. Лошади, люди в течение двухдневного боя, голодные, измученные, не могли уже быть способными устоять против сил противника, превосходящего нас в несколько раз. Но сознание долга, сознание страшной опасности взяло верх и перед нами померкли и усталость и голод.

Турецкая пехота под прикрытием пулеметного и артиллерийского ураганного огня стала наступать на нас густыми цепями. Арабские кавалеристы на хороших лошадях с обнаженными шашками во весь опор летели на нас. Пришпорив измученных в боях лошадей, наши кавалеристы, прильнувши к лошадям, в свою очередь бросились на них. Впереди всех скакал Андраник с обнаженной шашкой. И столкнулись две неравные силы. Завязалась страшная рукопашная схватка, которая превратилась в дикое истребление двух народов. Рубили друг друга шашками, которые, окровавленные, то поднимались, то вновь опускались. Прикладами ружей разбивали друг другу головы. Выбивали из рук оружие. И в дикой злобе падали с лошадей и, валяясь под копытами, душили друг друга. Грохот орудий, трескотня пулеметов, топот лошадей, лязг холодного оружия, стоны раненых, все это смешалось в один страшный жуткий хаос.

Но что это? Андраник упал вместе с лошадью, которая обдала его брызгами крови. Неужели он убит? Подъезжаю к нему, он весь в крови. Встал и говорит:

— Дай воды...

Дал ему холодной воды из баклажки. Выпил он и упал. Дрожа всем телом перед страшной действительностью, я нагнулся и понял, что с ним — удар от страшной жары. Он встал, лошадь была убита, схватил шашку, выхватил маузер и с новым «ура, вперед» повел наседав-

* Вардан Мамяковян.

шего врага. Кавалерия, пехота, все мы обрели новые силы и с такою стремительностью ударили на врага, что он дрогнул и бежал.

Преследуя разбитого врага, опьяненные, может быть, этой победой, начальники некоторых кавалерийских частей пропустили врага в тыл. Да оно не мудрено: нас—три тысячи, а турок две дивизии.

Вдруг противник перенес артиллерийский огонь на шоссе, ведущее к городу. Что бы это значило? Все в недоумении. О! Ужас, мы увидели сзади себя что-то страшное. Мы увидели, как наши солдаты, не понимая в чем дело, постепенно стали уходить с позиции. Для нас было ясно, как день, что турки обошли нас с ванской дороги, разбили 1-й батальон, который, отступая, подвергся обстрелу артиллерийского огня. Мы окружены, погибли. Это страшная мысль блеснула, как молния.

Андраник дал приказ отступать. Когда мы приблизились к месту, где, казалось, отступает 1-й батальон, мы ужаснулись, и вместе с тем дикая злоба душила нас. Это был не первый батальон, а беженцы. Те беженцы, которых Андраник в Джульфе не пустил. Джульфинский гарнизон не мог удержать эту двадцатитысячную вооруженную банду, которая, как лава, прорвалась и потянулась вслед за нами. Никто этого из нас не знал. В то время, как мы вели бой с турками, они приблизились к стенам крепости, запрудив всю дорогу арбами, скотом, всем своим имуществом. Турки, по всей вероятности, подумав, что это наша артиллерия и резервы, открыли огонь. А беженцы, очутившись под ураганным огнем, бросились бежать в паническом ужасе, с криком «нас обошли». Бросали детей, арбы, все свое имущество и, давя друг друга, сломя голову, бросились обратно. Наши солдаты думали, что это воинские части отступают, бросили свои позиции. Беженцы, кавалеристы, пехота, все это смешалось в одну общую массу и в беспорядке бежало по шоссе. И нельзя было удержать ее. Женщины кричали душераздирающим криком, дети, цепляясь за матерей, с ревом бежали за ними. Напуганные быки, лошади в ужасе, или сойдя с ума, давили все, что попадалось под ноги. Турки обстреливали шрапнельным огнем.

А тут еще новая беда. Вооруженные персы стреляли со всех сторон, наводя еще больший ужас на беженцев.

Вся шоссе-яная дорога была усеяна брошенными арбами. Мешки кишмиша лежали на дороге. Убитые, задавленные женщины, дети валялись в лужах крови. Жутко было, страшно. Страшно не от того, что я лично со своими кавалеристами был окружен со всех сторон и видел, что мост, через который мне нужно было проехать, уже разбирался турками. А жутко и страшно было от того, что, куда ни ступит нога моей лошади, везде раздавался писк ребенка, брошенного беженцами. Везде, со всех сторон, я слышал этот детский писк. Я их не видел, они были брошены в засеянную возле шоссе пшеницу. Ужас...

Бросились мы на мост, завязалась новая рукопашная схватка. Но мы пробились, потеряв несколько человек.

Догнал отступавших. Когда мы обгоняли беженцев, женщины цеплялись за стремяна, с ужасом в глазах, молили не бросать их. Они не понимали, что мы хотим обогнать их для того, чтобы остановиться и отделить свой отряд от беженцев.

Мы не знали, что теперь делается на джульфинском мосту. Может быть, уже мост в руках турок и тогда все беженцы, да и мы с ними, погибли...

Несчастный Андраник, он до того измучился, устал, что не в состоянии был ехать верхом. Он сел на одну из арб беженцев, тащился вместе с ними. Всю ночь шли. Шли, не останавливались. Рано утром показался вдали джульфинский мост. Значит, турки не успели еще его занять. Вот и мост. Андраник сидит на выступе моста и грустно смот-

рит на проходящих мимо него беженцев. Отряд оставался возле моста, а беженцы проходили к Нахичевани. Подошел я к Андранику, сел рядом с ним.

Принесли нам холодную консерву, стали закусывать и думать, что предпринять: идти ли на Баку или в Карабах? Отделили беженцев (которые отправились в Нахичеван) от солдат. Собрали свои части и двинулись в Карабах.

VIII

НА ГЕРЮСИ*

Нам нужно было пройти татарскую деревню Яйджи, расположенную на нашем пути. Андраник предложил татарам пропустить отряд, обещав им гарантировать безопасность, личную, имущественную. Татары ответили:

— Дадите двадцать тысяч рублей николаевскими деньгами, тогда пропустим вас и дадим проводников, чтобы они вас проводили, иначе мы всех перебьем.

Андраник вскипел.

— В 20 минут взять деревню!

Повели наступление. Татары успели выпустить по нас только два снаряда. У них были и аскеры, и турецкие офицеры. В 20 минут деревня была взята. Взяли две пушки, много снарядов, патронов. Разбили многочисленные татарские банды. Прошли деревни Тер и Ага. Здесь начались наши мытарства и лишения. Усталость после длинных переходов, после битв днем и ночью, болезни, отсутствие медицинской помощи и медикаментов ввергли солдат в уныние. Начали свирепствовать холера, черная оспа, столбняк, как среди беженцев, так и среди солдат. Было жутко: везде валялись трупы, черные, с искаженными от боли лицами. Умирали и старики, и женщины, и дети.

Андраник хотел было дать отдых солдатам, чтобы потом идти в Карабах. Но из Нахичевана приходили тревожные вести. Турки в прокламациях, разбрасываемых всюду, сообщали, что через три дня вступят в Нахичеван.

Пришла весть, что большевики заняли станцию Мюсюсли, что англичане заняли Тавриз, в Турции вспыхнула революция. А нахичеванским армянам грозила опасность резни. Из Нахичевана к нам приехали уполномоченный от армян Ашот Мелик-Мусаянц и прапорщик Хачатурьянц. Они предложили нашему отряду идти в Нахичеван и обещали предоставить в наше распоряжение до 6000 солдат.

Вступив с отрядом в Апракунис, мы приступили к организации обороны. Здесь обнаружилась полная беспомощность местных организаций... Приказ о мобилизации исполнен не был, да оно и было понятно: не было фуража для лошадей, не было обмундирования, сапог, гимнастерок, продовольствия.

Наступление же турок велось с необычайной быстротой в двух направлениях—Шахтакты и Джульфы.

Что касается нас, то местные наши силы были слабы, плохо организованы, отряд же наш был утомлен и не имел в достаточном количестве снаряжения. Но и тут Андраник не пал духом.

Наступили две дивизии с сильной артиллерией, которая стреляла, куда попадет.

Мне лично было приказано вести наступление на дер. Неграм, где засели турецкие аскеры.

* Горис.

Храбро защищались неграмцы, каждый шаг приходилось брать с боем. Метко стреляли неграмские татары. Лучших стрелков посадили на мечеть. И они оттуда, как говорится, садили нас на мушку. Дошел до мечети, вот скоро должен взять мечеть. Но подоспели турецкие цени. Пришлось отступать.

Беженцы всех армянских деревень, расположенных в Нахичевани, попали под ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Вместе с ними шли и турецкие армяне-беженцы.

Андраник уже дошел до Нахичевани, уже стали туркам заходить в тыл. Но что могли мы сделать—несчастных две тысячи. Турок в двадцать раз было больше нас. Выбиваясь из сил, под ураганным артиллерийским огнем мы старались удерживать противника до тех пор, пока все беженцы не эвакуируются.

Весь день был бой, всю ночь гремели орудия, и на следующий день обессиленные, измученные, голодные, мы отступили в горы, в деревню Бист.

От турок мы ушли, но не могли уйти от холеры, черной оспы, столбняка. Они нас продолжали преследовать. Не могли уйти от этих страшных болезней.

Добрались до деревни Чананаб. Тут к нам пришел из города Ордубада один русский техник, который просил Андраника освободить всех русских инженеров, техников, которые проводили железную дорогу Баку—Джульфу. Татары издевались над ними, держали взаперти, мучили голодом. Отобрали у них все вещи.

Но наш любимый начальник заболел холерой. Жуткое время пережили мы. Так тяжело было нам! Что могли мы, маленькие люди, сделать без нашего знаменитого вождя!

Солдаты ходили, понутив головы. Все дрожали за жизнь Андраника. Но видно, не настал еще его час. Господь внял нашим молитвам. Пришел я к нему, а он улыбается и говорит.

—Поручик, я вижу по твоим глазам, что ты боишься холеры. Не надо бояться. Все помрем. Но перед смертью хотелось бы мне представить Господу Богу рапорт обо всем. Ведь нас никто не хочет признать, ни Турция, ни Армения,— и улыбнулся.— Кому же подавать рапорт, как не самому Богу.

И посмотрев мне в глаза своим добрым взглядом, повторил:—Ты боишься холеры?

Он был прав. Я ее боялся.

Все повеселели, Андраник выздоровел.

—Господа-поручик, давай на русскую плясать,— кричит Карапет. Загремел жестяной поднос, заиграла флейта. Захлопали в ладоши солдаты. Выскочил бравый Татевос. И закружился в лихой пляске.

—Давай русскую,— кричит Карапет.

—Сибирскую спляшем.

И закружились мы в этой пляске. А посмотришь вокруг—жутко, жутко. Вымершая деревня, кругом холерные трупы. Окостеневшие глаза, скорчившиеся в предсмертных судорогах руки и ноги. Пляска смерти.

Через шесть дней отправились мы дальше, а за нами беженцы. С утра до вечера поднимались на снеговую вершину. Лошади, люди падали от усталости, от татарских пуль, которые всю дорогу обстреливали нас.

Через Нафван мы сошли с высоты и по ущелью, которое тоже обстреливалось, спустились в Гапан и катарские заводы. В Катарском районе мусульмане жили с армянами дружно. И как-то странно, а

вместе с тем и радостно было смотреть на это мирное сожительство.

Но продовольствия было мало, и мы принуждены были двинуться в Герюси, надеясь на местную помощь. Не зная абсолютно, что происходит вокруг нас, не имея никаких сведений ни из Баку, ни из Тифлиса и даже Эривани, мы вступили в Герюси.

Красиво расположенный в долине, весь в садах, среди гор, с домиками, покрытыми красными крышами, с широкими, правильно распланированными улицами. Этот городок напоминал нам что-то далекое, оставленное там, в нашей далекой Сибири.

Впервые после восьмимесячного мытарства по горам мы встретили интеллигентную публику. Герюси в тот момент показался нам, выбравшимся из ада, райским уголком, центром высшей культуры и цивилизации. Так давно мы не видели мирных людей, давно не спали на мягких постелях, не сидели за хорошо убранным столом. Игра на рояле, дивные звуки вальса уносили нас в мир прекрасных грез, в мир позабытого счастья. Невольные слезы, слезы неизъяснимой радости душили нас, и сердце начинало биться так усиленно. Натянутые нервы так давно тосковали по такому отдыху... Мы были счастливы. И кругом все так благоухало. Так прекрасны тут сады, и так дивны были в ту пору лунные ночи.

В этой прекрасной тиши не верилось, что неподалеку оттуда мы пережили столько кошмарного и тяжкого. И думалось, что все это был тяжелый бред больной души—это зверское истребление народов, в котором участвовали и мы. Как это могло случиться? Ведь жизнь так прекрасна, так ароматна, так хочется любить всех, всех, весь мир. Как у меня могла подняться рука на такого же, как и я?

И словно в ответ на свой вопрос я слышу грохот орудий. Оглядываюсь: целое море детей, женщин, измученных, истерзанных, больных, голодных и гонимых бесчеловечным врагом. Стоны, слезы.

И рука опять по-прежнему невольно сжимает эфес шашки.

IX

НА СИСИАН

Но и тут враг не дремал: со стороны Нахичевани на нас двигалась турецкая дивизия. Татары и турецкие воинские части со стороны Шуши тоже нам угрожали. Положение было серьезным... Андраник объявил солдатам, что они свободны и могут идти, куда угодно. Часть отряда, под командой Сумбата и Артюшхана, ушла в Эривань.

Оставалось нас всего 1020 человек. 2 неполных батальона пехоты, 4 пулемета и 3 сотни кавалерии. Артиллерии не было.

Из нашей сибирской роты ни один человек не пошел в Эривань. Да и немного их оставалось в живых. Всего 48 человек. Остальные пали в кровавых боях за свободу народа.

Нам нужно было во что бы то ни стало пробиться в Сисиан. Но путь был прегражден большими татарскими деревнями Тупи, Ургут, Агуды, Вагуды. Поддерживаемые турецкими агентами, чувствуя приближение турок, они чувствовали себя хозяевами положения. Нападали на беженцев, на армянские деревни, вырезали, жгли, грабили. При нашем приближении они открыли огонь. Ничего не оставалось делать, как вести наступление. Два дня наступали, разнесли многочисленные татарские банды. Открыли дорогу в Сисиан. Разместились в армянских деревнях Пернакот*, Уз, Караклис. В это время по этому пути шло

* Брнакот.

имущество, отправляемое в город Шушу, которое вез полковник Мелик-Шахназаров. При полном отсутствии охраны из солдат, этому человеку приходилось применять невероятные усилия, чтобы перебросить в Шушу имущество. Но дорога была закрыта. Несколько раз беженцы прорывались пройти через Забугское ущелье, но каждый раз приходили обратно, теряя по несколько сот человек, оставляя их трупы в этом кровавом ущелье. Татары забирались на самую высокую гору Маркиз и оттуда обстреливали все ущелье.

Между Шушой и Герюсами лежало большое селение Карачешлах.

Полковник Мелик-Шахназаров обратился за помощью к Андранику. На состоявшемся совещании пришли к заключению, что нужно мобилизовать местную силу. Для обеспечения от обстрела Забугского ущелья нам важно было занять гору Маркиз. Собрали местные силы из деревни Дыка для наступления на гору Маркиз, у подножия которой с одной стороны находилась армянская деревня Баяндур, а по другую — татарская деревня Мекенд, где и был расположен турецкий штаб во главе с Иззет-беем, бывшим ротмистром русской службы. Турецкие пехотные и кавалерийские части двигались к ним на помощь.

Нами был выработан план действия. Шушинцы с арбами, предназначенными для военного имущества, должны были идти в Карачешлах, и воинские части должны были наступать оттуда, а мы отсюда.

Андраник в это время находился в Сисиане, приказав мне с сибирской ротой и приданной ей местной силой во что бы то ни стало взять гору Маркиз.

Ночью, спустившись в ущелье, мы взяли одну татарскую деревню, где оказались аскеры. Деревня была расположена в ущелье, возле протекающей небольшой речки.

Слева стояли местные силы деревни Хиндзорак*, справа — крестьяне деревни Хознавар под командой армянских офицеров Шушинского батальона занимали известные участки, дабы не дать возможности туркам зайти нам в тыл.

Взяв деревню, мы увидели перед собой высокую скалистую гору. Мне нужно было ее взять. Со стороны Карачешлаха я уже слышал ружейную перестрелку.

День был жаркий, пекло невыносимо. Повел наступление на гору. Солдаты, осыпаемые сверху градом пуль, карабкались по скалам, падая то убитыми, то ранеными. Зная отлично своих солдат, я знал, что за мной они пойдут куда угодно. Но меня поразило то, что новые, совершенно не военные люди также смело шли со мной на смерть. Только тут я вполне понял неразгаданную многими психологию армянина: достаточно им было почувствовать, что в лице простого русского поручика они видят опору России, которая их не предаст, как в течение этой пятилетней войны предавали их все — татары, грузины, и к сожалению, даже мы, русские, достаточно было им это увидеть, чтоб каждый рядовой армянин стал героем. Я пришел к заключению, что это народ поразительного героизма, но нуждающийся в достойных руководителях, которым они могли бы доверять. Многие ли из нас шли к ним с такой открытой душой, чтоб они могли нам довериться? Мы не шли, а своих руководителей, к сожалению, у них было мало, а какие были, их Россия направила на Западный фронт, откуда татары и грузины** не пропускали их на родину. И вся трагедия этого маленького, героического народа, преданного России, в том и была, что он оставался, как стадо без

* Хиндзорек.

** Мусаватисты и грузинские меньшевики.

пастыря, травимый окружающей злобой и ненавистью. За что? Не мог никогда этого понять. И приходилось принимать единственное объяснение, что Россия посылала на Кавказ людей, лишенных государственного смысла и недобросовестных.

Мы шли. Вот все ближе и ближе подвигаемся к вершине горы.

— Ура...

И громкое дружное «ура» пронеслось в воздухе диких скалистых гор. Мы на вершине горы. Мы ею овладели. Перед нашими глазами предстала дивная красивая природа Карабаха: высокие-высокие в облаках горы, громадный зеленый лес, и так приятно греет полуденное солнце.

Внизу видели бегущих аскеров и татар.

Пришла бумага—отступить: турки меня обошли. Собрали раненых и убитых и спустились в Герюси.

На другой день пришел один «сурандак» (курьер) из деревни Карачешлах и сказал, что деревню окружили с одной стороны турецкие части вместе с местными татарами и с другой—кочевники, в количестве тысяч пятнадцати, спустившиеся с гор. Карачешлахцы все свое имущество, а также жен, детей и стариков на арбах, предназначенных для военного имущества, отправили в Шушу. А сами, окруженные со всех сторон, остались защищать деревню, прося у меня помощи.

Этой же ночью мы пошли к деревне Баяндур, расположенной у подножья горы Маркиз, только с противоположной стороны селения Хознавар. Всю ночь то поднимались, то спускались. Рано утром заняли позицию над деревней Баяндур. И сразу же татары открыли по нас ружейный огонь. Повели наступление. Выбили их с позиции. И так восемь дней шли непрерывные бои. Турки овладели Карачешлахом.

Х

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ПАДЕНИЯ БАКУ И ШУШИ.

Областной съезд зангезурцев и сисианцев

16 сентября Андраник прибыл из Сисиана в Герюси.

Ободренные победой, татары старались проникнуть в Зангезур в двух направлениях: Карацор и Ханацах. Но всегда они отбивались с большими для них потерями.

Но вот из Шуши прибыла к нам делегация от армянского национального совета и сообщила, что город Шуша взят турками, а также и о падении города Баку.

Это сообщение на зангезурцев произвело удручающее впечатление. Но на областном съезде они все-таки решили биться до конца, но не сдаваться.

Часть гарнизона колебалась. Андраника возмутило поведение последних, и мы с отрядом снова удалились в Сисиан, где разнесли многочисленные татарские банды, нападавшие на нас по дороге.

В Сисиане на областном съезде также решили не сдаваться турецкой власти и биться до конца. Была объявлена вторичная мобилизация от тридцати до сорокалетнего возраста.

В то же время многочисленная депутация зангезурцев прибыла в Сисиан к Андраннику с просьбой выступить на помощь Зангезуру, ибо им грозила турецкая опасность.

XI

В КАРАБАХЕ

На втором областном съезде зангезурцы решили биться до конца. То же сообщили представители Гапана.

Снова отряд вернулся в Герюси, и Андраник снова объявил мобилизацию от 20 до 45-летнего возраста.

Но турки нам грозили каждый день. Каждый день делали набеги на армянские села, и каждый раз отбивались они с большими для них потерями. Кричали нам угрожающе, присылали записки. «Сдайтесь, а то и с вами будет то же, что и с бакинцами; мы там вырезали тридцать тысяч армян, изнасиловали всех жен, всех девушек». И много, много было в этом же духе.

Все в нас кипело. Больно было слушать подобные вещи.

Но вот получилось от Нури-паши письмо, в котором он говорил: «Мы, турки, победители всего мира. Баку взят, сдайтесь и вы. Андранику, его солдатам, офицерам дарую жизнь, если сдадите оружие; если не сдадите, я разнесу весь Зангезур, а вас предам позорной казни как неподчинившихся турецкой власти».

Андраник ему ответил: «Я двадцать лет дерусь с вашим правительством, и не было еще случая, чтобы я сдавал оружие, и сейчас не сдам; идите на нас; готов встретить вас. Померимся силами».

Опьяненный бакинской победой, Нури-паша двинулся.

Андраник сел на лошадь, взяв только сотню кавалерии, и зашел ему в тыл. И действительно, всыпал татарам, как это он умел делать. 44 версты мы гнали этого Нури-пашу без остановки.

Наступал я тогда с сибирской ротой. Делаю перебежки. Скомандовал:

— Рота—пли.

Бух. И опять умолкло. Соскочил мой Карапет и тоже кричит:

— Взвод—пли...

Алая кровь струйкой текла по его лицу. Подбежал, приподнял его голову и увидел слезы на глазах. Его побледневшие губы шептали:

— Господа-поручик, поедишь Иркутск...

И не dokonчил. Что хотел еще сказать бедный Карапет, это он унес с собой. Не стало нашего веселого, смелого Карапета...

Погиб 208-й человек из доблестной сибирской армянской роты.

ЭПИЛОГ

Осталось еще два: они были возле меня, перевязывали мне раны, с редкой нежностью ухаживали за мной.

Они были со мной в Герюсах. Они вместе со мной пошли после долгих мытарств, голода, холода по горам от Герюсов в Эривань. Вместе со мной в этом городе смотрели на кошмары армянской жизни, бес-
сильные помочь ей.

Мы были и на этой Голгофе армянского народа. Было тяжело и страшно. И хотелось нам бежать, куда глаза глядят, от трупов, трупов, трупов детей, девушек, мужчин, женщин...

Были в Тифлисе... Куда ехать? Что делать? Двое оставшихся в живых солдат готовы были идти за мной, куда бы ни повел я их, в Сибирь ли, на Дон ли. Но как ехать, зачем? В этой чуждой когда-то мне стране лежат теперь вечным, непробудным сном самые близкие мне люди. Люди, светлая память о которых связала меня с их страдальческим народом, как с родным, как со своим собственным.

Никуда не еду. Не имею права ехать.

И странное дело, мои два друга-армянина поехали в мою Сибирь, а я, сибиряк, остался среди армян. И останусь всю жизнь. Останусь жить и умереть тут.

Я прохожу по всем городам и селам Кавказа, где живут армяне, и весь этот путь усеян трупами. Трупами армян. Гекатомбами трупов. Будет ли этому кровавому кошмару конец? И когда он настанет? Слишком велики силы, соединившиеся против армянского народа, в целях его истребления. К этим силам присоединились сейчас: и стихия, и болезни, и голод.

И все же я верю в прекрасное грядущее этого народа, героя на поле брани, такого одаренного работника для создания высших форм культурной общечеловеческой жизни.

Я верю в светлую миссию этого народа—мученика на Востоке.

Я верю в близость восхода для него солнца новой жизни.

И вместе с ним я жду этой зари...